

Мысли о Православии
протопресвитер Михаил Помазанский

Православие – что оно?

ОСОБОЕ СЛОВО... Слово, имеющее большую притягательную силу. Для многих, многих – святое и дорогое слово, не легко определяемое и, в то же время, простое и понятное. От некоторых слышим укор: «Зачем у вас на собраниях, в речах, так часто бряцают словом: «Православие?» Может быть иногда они и правы в своем протесте. Не следует из дорогого людям понятия создавать боевой, ходкий термин, говорить о нем там, где оно мало ценится, делать из него боевой мяч в общественных культурно-политических собраниях. Бережно следует хранить это имя, эту нашу словесную святую эмблему.

Говорить о Православии не значит непременно пытаться дать исчерпывающее определение. Делиться мыслями о дорогом бывает потребностью, приятно – просто «поделиться;» никто вас не осудит, если вы только в идеальном свете будете говорить о любимом.

Скажут, не смело ли – высказывать свои мысли о нем? Не нужно ли прежде самому подняться на всю духовную высоту его, чтобы судить о разнообразных сторонах его? Можно ли охватить его полноту?

Разве не лучше – совсем не говорить, из опасения сказать не всегда умело? И не в праве ли каждый из нас хотя бы так судить о нем, как судим о величественном храме, осматривая его с погоста и смотря вглубь его, с его паперти?

НЕРЕДКО У ЛЮДЕЙ, стоящих дальше от Церкви, малочувствующих дыхание ее, туманное и расплывчатое представление соединяется со словом *Православие*.

«Это нечто среднее между католичеством и протестантством...»

«Известно: это цезарепапизм!»

«Я признаю Православие, только, конечно, настоящее, не то – семинарское богословие.»

«Вы о каком спрашиваете: об официальном Православии?» – отвечают вам.

О, да, мистика Православия: «сыра земля – Мать Пресвятая Богородица», «Град Китеж», юродивые, «Иисусе Сладчайший, в лепоту облекшийся» (из одного публичного чтения).

«Православие это соборность, участие клириков и мирян в управлении церковном.»

«Вот настоящее Православие: старец Зосима у Достоевского, «Соборяне» – Лескова...»

«Мы должны держаться Православия, потому что оно русское.»

«Меня интересует новое в Православии, напр., учение о Софии – Соловьев, Булгаков, Бердяев, а так вообще это скучно.»

И ПРАВДА: что такое Православие? Какой отличительный, существенный его признак:

Консерватизм ли, берегающий в чистоте учение семи вселенских соборов?

Суровость ли, выраженная в постах и длинных богослужениях?

Разнообразие ли форм Богопочитания, соответствующее потребностям духовной жизни человека? Народность ли его, легко придающая религии национальный колорит?

Почему говорят: «Это православно, а вот это у вас или у них неправославно?»

Предполагаются какие то принципы для этих ответов. Каковы они? На историческом ли основании (так, мол, в «истории Православной Церкви») или на идеологическом («это соответствует православно идее») решаются эти вопросы?

ИТАК, с какого времени существует слово *Православие*? «Вот вы сказали о древнем Православии: но ведь Православия до разделения Церквей не было?» – говорят вам.

«Напрасно вы так думаете», – отвечаете вы.

Как только обнаружилась в Церкви Христианской необходимость оберегать истину от возникших заблуждений, (а заблуждения возникли уже в апостольский век), появилось понятие «правого исповедания истины», как это мы слышим в литургической молитве, идущей от древней Церкви, о епископстве «право правяща слово истины» (2Тим. 2:15). Кристаллизовалось это выражение в одно слово при тяжелых арианских волнениях в Церкви. Св. Афанасий Великий почти всю свою жизнь посвятил защите Православия от арианства. Св. Епифаний называет Афанасия Великого «отцом Православия». Исидор Севильский в книге «Начала» говорит: «*Православный* есть тот, кто право верует и сообразно с таким верованием правильно живет». Великие восточные Отцы Церкви 6-го века вообще постоянно пользуются этим наименованием; а св. Григорий Богослов употребляет его в сочетании слов, столь часто повторяемом в наши дни, именно: *страждущее Православие* (Слово 6-ое св. Григория Богослова).

После шестого вселенского собора, когда возникли споры об иконопочитании и, таким образом, о внешних формах богопочитания, понятие *Православия* расширились на весь круг христианского богословия

и богослужения. До разделения Церквей «ортодоксия» – православие мыслилось необходимым признаком истинного христианства и на Востоке, и на Западе. Когда произошло отпадение Римской церкви от единства церковного, оба классические, скажем лучше – древне-церковные понятия: а) *православный* и б) *кафолический-вселенский* сохранились и на Востоке и на Западе; но при этом сохранились так, что одно стало доминировать здесь, а другое там; каждое стало своего рода знаменем Церкви: на Востоке – «Православие» т.е. забота о сохранении – прежде всего – чистоты исповедания; на Западе «Вселенскость – католичество-кафоличность», как выражение идеи мирового распространения или веры в мировое призвание. Именование Церкви Христовой *кафолической* осталось, конечно, и на Востоке, как она именуется в Символе Веры (в славянском переводе – «соборную»), но здесь, на Востоке, это именование сохранило то место в ряду других необходимых признаков Церкви: «единой, святой, апостольской», какое получило на втором Вселенском соборе, т.е. не будучи выделяемо в особое, доминирующее над другими признаками положение.

Русский народ принял *Православие*, как истинное учение Христово, сохраняющееся в Церкви Христовой, представленной на земле четырьмя древними восточными Патриархатами.

Церковь и Православие

ТАК КАК МЫ, РУССКИЕ, приняли христианство в период, когда уже фактически совершилось отделение Запада от Церкви Восточной, то для нас в обиходной речи понятия: «истинная Церковь» и «Православие» имеют не только одно и то же значение, но как бы имеют одно и то же содержание: истинная Церковь есть Православие, и Православие есть истинная Церковь. Но так как Церковь это люди, а Православие – вера и богопочитание, то все же необходимо, когда говорим специально о Православии, различать эти два понятия, Церковь – «кто?», Православие – «что?» и «как?» – дом Божий или семья Божия; Православие – ценность ее, духовное богатство.

Ведя речи о православном и неправославном, надо сделать еще одну оговорку. Дело в том, что еще в первом тысячелетии, до печального факта разделения церквей, и Восток и Запад получили большое число таких особенностей, которые зависели от причин не вероисповедного значения, а от географических и других условий, от разницы культур греческой и римской. Географическая отдаленность Запада от Востока, разделенных Средиземным морем, препятствовала однообразию в формах богослужения и в других сторонах церковного быта. Греческий язык, господствовавший на Востоке, и латинский, ставший культурным языком Запада, увеличивали эту обособленность.

Так появились еще до отделения Рима в двух частях Церкви своеобразные черты, не зависевшие по существу от сохранения истины или уклонения от нее. Во втором тысячелетии, поскольку эти черты продолжали существовать, они уже стали представляться характерными, отличительными для того и другого вероисповедания. И теперь нужно уже нередко усилие для того, чтобы определить, зависит ли та или другая особенность от духа римского католичества или православия, или же это только результат причин этнографического, лингвистического или другого характера.

И все таки нужно признать, что почти каждая, даже не существенная особенность того или другого исповедания каким-то своим углом входит в самый дух своей Церкви. Любая частность, пусть она не коренится в мировоззрении, все же соответствует ему: в одном случае соответствует православному, в другом – католическому или какому-либо иному.

Основной Признак Православия

«ДУХ ПРАВОСЛАВИЯ:» это часто употребляемое выражение указывает на внутреннее единство, гармонию, обнаруживающиеся в нем. Трудно уловить этот дух, определить его, сказать, в чем он состоит. Так же, а может быть труднее, чем определить дух протестантизма и католичества. Но мы в праве поставить вопрос по иному: *от чего зависит дух Православия*, как он создается? Есть ли он среднее из суммы многочисленных признаков православного исповедания, подобно тому, как говорят о духе города или страны, или он есть выражение идеи, лежащей в самой основе Православия? Иначе говоря, представляет ли само Православие сумму исторически накопленного духовного знания и опыта или, в своем существе, оно само есть идея – ряд идей, служащих для всей полноты Православия тем, чем корень служит для ствола и ветвей?

Уже само слово: «Православие» говорит об идее и называет ее. О какой идее? Формулировать ее можно по разному, но приведенная нами историческая справка о древнем употреблении этого термина и филология слова говорят, что этой идеей, прежде всего, является правда: искание правды и верность ей, охрана ее. «И познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин.8:32). «Ищите прежде Царства Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам» (Мф.6:33).

Искание Истины и верность ей – вот основной признак Православия. И этот принцип истины в Церкви Православной, в ее истории, в ее деяниях всегда признавался (и был действительно) основным, решающим, кардинальным. «Не вселенскость, а истина». Ни опасения раскола церковного, ни авторитет иерархический, научный, богословский или какой-нибудь иной, ни давление государственной власти, даже авторитет собора – ничто не останавливало той стихии в Церкви, которая, как сильное морское течение, неудержимо стремилась всегда до конца к выяснению и торжеству христианской истины. Так это было в эпоху монофелитства, когда преп. Максим Исповедник не отказался от защиты православного учения, даже видя в числе своих противников трех патриархов и императора; так было и в столетний период иконоборчества.

Данное или искомое?

Ищите прежде правды Божией.

ТАК ЧТО ЖЕ ПРАВОСЛАВИЕ? Искомое или уже данное? Цель, вечно уходящая вперед или достигнутая? Где его искать: в будущем или прошедшем?

Православные образы святых и Богородицы, вид православного храма, устав православной благочестивой жизни, аскетика, догматика, богослужения, этика, обычаи и обряды – разве все это не «данное», разве это не богатство достигнутого, разве не выражение уже воплощенной идеи?

Православие осуществлено. В очень большой степени оно приняло статические, твердые формы.

Это понятно. Вторую тысячу лет переживает Церковь, несущая и хранящая Православие. Христианское сознание внушает нам уже все чаще, что мы ближе к концу истории, чем к ее началу. Весь опыт Боговедения, духовной жизни уже дан нам в жизни и творениях Святых Церкви Христовой, в ее истории и ее уставах.

И нам остается углубляться внимательнее в настоящее или вглядываться взором в прошедшее для того, чтобы изучать родное Православие.

ПРАВОСЛАВИЕ – перед нами, у нас, оно уже дано, имеет свое готовое содержание и формы. Но религия есть жизнь. И Православие не представляет собой накопления готовых ответов на все могущие волновать нас вопросы; оно само ставит перед нами проблемы, решения которых – по голосу нашего христианского сознания и совести – требует от нас. Поэтому Православие есть не только данное, но всегда искомое.

Каждый день ставит перед нами вопрос: как поступить? И несмотря на опыт не только наш личный, но и богатый опыт прежних поколений, жизнь постоянно ставит нас перед дилеммой: где дорога, куда идти? Где правда, где лучше?

Мнений много: истина одна. Приняв в руководство мысль действовать так, как велит наша совесть, мы все еще не раз колеблемся: а как же следует поступить по правде, по Божьему, как лучше?

Так бывает и в вере, в христианском деле, в церковной жизни. Есть догматика, каноны, христианская этика, опыт Церкви: однако, как часто можно слышать вопрос: православно ли то или другое? Какое решение, какой поступок соответствует духу Православия? На вопрос: «что

православно?» – ответ готов: «православно то, что наилучше». Но не всегда ясно: что наилучше?

И вот здесь мы прислушаемся к голосу той православной стихии, в которой духовно живем или, по крайней мере, с которой всегда соприкасаемся, и, погружаясь в нее глубже, находим настоящий православный ответ, согласный с голосом нашей совести и нашего разума. Этот ответ рождается интуитивно, но он должен быть подтвержден канонами Церкви, Евангелием, общим преданием Церкви. Истина, рождающаяся в тайниках души, должна быть истиною и при свете дня.

Так получается рядом с термином *Православие* другой термин: *православность*. Он обозначает ту трудно определимую словами линию, которая относится к частностям церковной жизни: к музыке, к церковному чтению, иконописи, к обрядам.

ПРАВОСЛАВИЕ не только нечто данное, но и нечто **искомое**. Как много волнений пережила Церковь, пока она установила ту целостность христианского мировоззрения, которую мы теперь принимаем в готовом виде, как православное исповедание веры!

Какими потрясениями, жертвами сопровождался период догматических споров! Какими, наконец, потерями – потерями целых областей и народов, оставшихся в ересь и в расколе, оплатила Церковь отстаивание правды христианской и церковной!

Так на деле оправдала Церковь исповедание, на его хоругви начертанное: *Православие*.

Это не значит, что Церковь равнодушна к земной кафоличности: к потере или сохранению в себе своих членов, или равнодушна к распространению Евангелия до концов вселенной, что она мало дорожит единством, что она не скорбит об отпадениях от единства, что она замыкается в себе, что она не стремится занять первое место, которое по праву ей принадлежит среди христианских исповеданий.

Но сама действительность, история потребовала от Церкви именно служения Православию: борьбы за христианскую истину. И в эту борьбу уходили духовные силы одного за другим поколений Церкви на Востоке в первом тысячелетии ее истории.

«Ищите же прежде царствия Божия и правды его, и сия вся приложатся вам». Окончательная победа, торжество в духовной области принадлежит не тому, что обладает силой, массой, средствами борьбы, талантами, а тому, кто несет правду. Истина даже до последнего момента может пребывать в меньшинстве и в тени. В ходе длительного процесса, в ходе мировой истории нас не должно ослеплять ни количественное

превосходство – чужое или наше – в тот или другой исторический период, ни внутренняя или внешняя организация, ни другие видимые преимущества. «Сила Божия в немощи совершается». Победу дает последний момент. А до наступления этого последнего момента важно сохранить и уберечь свой стяг, соблюсти истину, сохранить *Православие*.

И мы знаем, что ереси и всякого рода неправославие – дело не только прошлого. Ереси и неправовереие могут быть и в будущем. И Церкви предстоит всегда стоять бдительно на страже как против ересей, идущих извне, так еще больше против лжеучений, возникающих внутри, среди членов самой Церкви.

Значение «канонов»

ДОСТАТОЧНО НЕ УДЕРЖАТЬ РУЛЬ, слегка лишь изменить направление, – и тогда неизбежно следует уклонение от цели, сначала незаметное, а со временем все увеличивающееся. Поэтому, дорожа правильностью, нужно проверять себя. У мастеров – ремесленников существуют «правила», по которым они выравнивают теряющие должную форму предметы. Такие «правила», или правила, имеет и Церковь. По-гречески они называются «канонами» (канон – правило, образец: термин, употребляемый ап. Павлом в посланиях Гал. 6:16; Филип. 3:16). Устройство Церкви, ее законы определяются правилами св. Апостолов, правилами св. Отец, правилами Соборов церковных, или канонами Церкви. Христианин в своей личной духовной жизни руководится и выправляет себя «молитвенным правилом:» утреннее, вечернее, правило ко св. Причащению и др. Задача этого правила не в том только, чтобы удерживать человека в молитвенной дисциплине и побуждать к молитвенному усердию: оно имеет широкое значение. Содержание образцовых святоотеческих молитв «правила» выравнивают нравственное сознание человека и его взгляд на самого себя, указывают ему, чего и как ему нужно просить у Господа, как верить, как приносить покаяние и как воспитывать себя духовно.

Равным образом в подобных нормах-правилах нуждается и церковное творчество и искусство: оно должно быть удерживаемо в правильном русле строя и предания церковного. Так это и есть. Не даром определенный ряд церковных песнопений получил именование «канонов», и эти группы церковных песнопений как раз особенно известны богатством мыслей и выражений, художественностью форм, несмотря на строгое соблюдение правил их построения. И православная живопись и зодчество имеют свои церковные «каноны», по верности которым часто определяется их церковно-историческая ценность.

Православие динамично или статично?

«Сохранить», «уберечь», «быть верным преданию Церкви» – не культивирование ли это консерватизма? Не характерен ли для Православной Церкви застой, взгляд: «наши деды так жили и спасались, с тем же хотим и мы оставаться. Нам ничего нового не нужно?»

В консерватизме упрекают Православную Церковь нередко.

Правда, очень часто говорят и наоборот. Не обвиняют ли, например, протестанты православный Восток в том, что он в своем церковном развитии пошел слишком далеко вперед, вводя новое и новое в область церковных понятий и обычаев, от чего якобы необходимо вернуться назад к старому и первоначальному строю первых веков христианства?

Но этот консерватизм Церкви не диктуется ли логикой истекающего тысячелетия? Если суждено быть когда-либо воссоединению Церквей, то на какой основе может оно состояться, как не на взаимном признании догматических и канонических положений, общих обеим Церквам Востока и Запада до начала разрыва? И Церковь Православная, ничего не изменившая в своем догматическом исповедании и каноническом строе, в любой момент готова к принятию воссоединения на этой единственно возможной основе.

И в то же время Церковь второго тысячелетия есть непрестанное движение вперед. Православие не статично, а динамично. О православном Востоке, пробывшем в плену у мусульманских народов более тысячи лет, трудно сейчас говорить. Но в славянских странах, вслед за рождением их в христианстве, эта динамика выразилась в создании церковно-славянского языка, в свободном сочетании христианства с народным характером, в обрядовых реформах, в развитии иконописного и церковного пения, в прославлении новых святых, в составлении новых молитв и песнопений, а главное – в силе духа, то глубоко в тайниках скрытого, то раскрывающегося в своем величии в соответствующие моменты жизни Церкви Христовой.

«Ищите прежде всего Царствия Божия и правды Его» (Мф.6:33).

ИСКАНИЕ ПРАВДЫ, как основной принцип, внушает на первый взгляд предположение, что Православие преподносится нашему сознанию, как сила познавательная, как мысль, как деятельность ума, хотя бы и благочестивого, как нечто от «рацио».

Но как раз именно «Православие» отмечает рассудочность, рационализм. Из трех крупных вероисповеданий, православное

вероисповедание наименее рационалистично.

И носит оно имя не «правомыслия», а «православия», т.е. прославления Божия, в котором, вообще говоря, главное место всегда и везде занимает молитва.

Уже отсюда видно, что носитель православного духа – не ум, а сердце.

И действительно, понятие «сердце» занимает в православной психологической терминологии первое место. Кроме того, это слово имеет гораздо более глубокий смысл, чем в нашей обыденной речи. Это не орган «чувства», как мы привыкли говорить, а та таинственная область души, посредством которой мы в наибольшей степени соприкасаемся с Богом, но которая может оказаться и под влиянием темной силы: область, в которую входит и т. наз. Подсознание и интуиция: область не исследуемая нашим умом, ибо ум представляет собой как бы надстройку над ней. Поэтому в творениях православных Отцов Церкви и подвижников говорится, так же как и в Слове Божиим, о «помышлениях сердца» и о «пожеланиях сердца» наряду с «пожеланиями ума» и «мыслями ума».

«Блаженны алчущие и жаждущие правды» (Мф.5:6).

РУССКИЙ ЯЗЫК хорошо выражает понятие «правды». «Правда» это во-первых, истина, в противоположность лжи, во-вторых, нравственный закон, справедливость, в противоположность обиде, несправедливости. Но славянский язык выражает его еще лучше, еще полнее: к этим двум значениям он присоединяет новое значение: правда Божия – «оправдание» от Бога иначе говоря, любовь Божия, оправдание не в смысле судебном, а в значении неизреченной милующей любви Божией.

Правда – истина, как правое исповедание веры и как соответствие слов мыслям человека; *правда нравственная*, как соответствие поступков велениям христианской совести, и *правда благодатная* – отдание себя спасающей милости Божией – создают *праведность* как объединение всех «правд», т.е. то состояние христианской личности, когда человек сам становится «праведным». Кротость, чистота души, молитвенность, то что выражено у Апостола в словах: «сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и непорочного духа» – вот тип православного христианина, как он дан не в умозрении и отвлеченном идеале, а в быту русского, принявшего Православие с Востока, верующего народа под характерным наименованием «праведника».

И с этим понятием также обычно соединено искание. Не одно «благочестие» и не просто «добродетельность» характеризуют праведника (добродетельных народ называет «хорошими людьми»): а «искание

спасения во Христе», принятие на себя подвига, отказ от своего, отказ от благ жизни, пренебрежение своими правами, сопровождают то неустанное «алкание и жажду правды», за которыми открывается человеку зрение Царства Небесного; наконец, борьба за правду Христову, стояние за нее до конца, без компромиссов, без сделок с совестью.

Истинное Православие есть непрестанное движение вперед не только в целом, но в индивидуальном своем проявлении.

Прославление Бога

«Православие:» если первая половина слова говорит о православии, правильности, правде, требуемых от христианина, то вторая зовет к славе Божией. «Слава Божия» – это вторая идея, заключенная в слове «Православие». Она внушает нам, что все стороны христианства: мировоззрение, отношение к людям, личное спасение – покрываются и объединяются главным, именно прославлением Бога.

Если «слава Божия», то, значит, богослужение, молитва лежит в центре православного внимания.

Но, конечно, слава Божия заключается не только в богослужении. «Прославляйте Бога в телах ваших и душах ваших, которые есть Божии». Это значит: нравственная жизнь, нравственная чистота есть не только условие богоугодной молитвы, но сама по себе она есть прославление Бога, богослужение.

Далее, богомыслие, созерцание умом и сердцем благодати, милосердия, премудрости и всемогущества Божия и преклонение сердца и ума перед тайнами величия и человеколюбия Божия есть такое же прославление Бога.

Однако в основе Православия остается прославление богослужением молитвенным. И это потому, что православная молитва – богослужение церковное – объединяет все. Она – воздух Православия. Чтобы в этом убедиться, достаточно войти в содержание православного богослужения.

«Непрестанно молитесь» (1Фес.5:17), – поучает Апостол. Этим он внушает нам необходимость трезвения души посредством постоянного памятования о Боге. Этот завет Апостола исполняется как в молитве отдельных христиан, так и в общественном богослужении. Учение о личной непрестанной молитве – основа науки святых подвижников Церкви о спасении. Образец ее: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня», или краткое: «Господи помилуй» – это не просьба Отцу Небесному о своих нуждах, а покаяние и сокрушение о грехах перед нашим Спасителем.

Общественная молитва, как она предписывается в Православии совершенным и полным церковным уставом, созданном в монастырях, распределена так, что она совершается почти непрерывно, в храме ли, или переносимая в кельи, днем и ночью, и в старину были монастырские храмы с «неусыпаемым» богослужением. Часы 1, 3, 6, 9-й – часы дня – сменялись междучасиями; в повечерии, полунощнице и утрени проходила

ночь.

И хотя жизнь с ее требованиями и препятствует приблизиться к уставному идеалу (как в приходских условиях, так и в большинстве случаев и в монастырском быту), однако, православное богослужение характеризуется своей продолжительностью и содержательностью.

«Молитесь друг за друга» (Иак.5:16). Память Церкви о входящих в нее членах поддерживается путем постоянного поминовения по именам за богослужением лиц, духовно близких молящимся, хотя часто и отдаленных от них огромным пространством, особенно – страждущих, больных, находящихся в путешествии. Память эта не прекращается и по смерти, и часто молитва об усопших продолжает возноситься не только через десятки, но через сто лет, после их кончины: так продолжается через Церковь общение с усопшими отцами и братьями в молитве нашей о них и в невидимой для нас взаимной молитве их о нас.

«Едите ли, ...или иное что делаете, все во славу Божию творите» (1Кор.10:31). «Все хорошо, и ничего не предосудительно, если принимается с благодарением, ибо освящается словом Божиим» (1Тим.4:4–5).

Эти апостольские слова объясняют нам, почему в православном строе жизни церковная молитва так часто выходит за пределы храма и, так сказать, входит в самую гущу народного быта.

Многим православным это освящение природы и быта казалось и кажется чем-то языческим, остатками дохристианских обычаев и обрядов. Но эта близость к жизни лежит в духе Православия. Торжественные освящения воды с выходом на источники в дни праздника Крещения, в Преполовление и 1-го августа; освящение полей весной, стад, освящение домов и всех хозяйственных помещений святой водой; освящение снедей на св. Пасху; освящение фруктов, начатков овощей, цветов, начатков полевых злаков после жатвы, святые иконы и знамение Креста Господня – в домах, на перекрестках улиц, на площадях, на воротах: все это примеры освящения Церковью всей жизни вне храмов. Общественной молитвой благословляется весь земной путь христианина от дня его рождения. Молитва в первый день по рождении, с наречением имени, крещение, молитвы в сороковой день, моление перед началом всякого доброго дела, перед путешествием, в болезни, благодарственные моления и другие входят в обиход церковно-бытовой.

«Благослови, душе моя, Господа и вся внутренняя моя – имя святое Его» (Пс.102:1)! «Всякое дыхание да хвалит Господа» (Пс.150:6)!

Эти две мысли псалмопевца воплощаются в Православии в наиболее

полном виде.

«Вся внутренняя моя» благословляйте Господа: все способности и таланты призываются и привлекаются к прославлению Бога.

И потому мы не только мыслью обращаемся к Богу, но славим Его речью, не только речью, но и пением; и живописью и другими благообразными искусстваами. Мозаика и фрески, ткани и золотое шитье, резьба и умеренная скульптура-рельеф, поскольку она своею телесностью не закрывает духа, ювелирное искусство, архитектурное искусство и другие проявления человеческого таланта находят себе место в прославлении имени Божия и святых Его.

И в руках православного христианина вся природа, «всякое дыхание» да хвалит Господа.

Освящение воды, свет свечи в руках молящегося, фимиам благовонных веществ, вербочка в день Входа Господня в Иерусалим и цветы в день Пятидесятницы – эти дары природы призываются быть органами и нашей хвалы Бога.

Келийка или скит монастырский в таинственной глубине леса, часовенка или крест над источником, паломничество за десятки и сотни километров – все это есть то общение человека с природой, когда они соединяются в общей радости преклонения перед творческой и промыслительной благостью Божией.

Но увы, ныне все это на нашей Русской Родине разрушено, изгнано, осмеяно! Общественная молитва зажата в стенах немногих храмов. Свобода ли это религиозной жизни?

Внешнее и внутреннее

ВНЕШНОСТЬ. Напрасно было бы говорить о какой то особой «приверженности» православных к внешности, к обряду. Обряд есть необходимая принадлежность Богопоклонения. Как может быть «Богопоклонение» без «поклонения?»

Богослужение Православной Церкви характеризуется одухотворенностью, полнотой, духом соборности и, вместе с тем, разнообразием внешнего выражения.

"Разве вы не знаете, что тела ваши есть храм живущего в вас... Духа»? – спрашивает Апостол (1Кор.6:19). Тело не предназначено только лишь для удовлетворения своих телесных потребностей: оно орудие души, и оно должно быть привлечено к прославлению Бога вместе с душой. Образцом, выражающим дух православного обряда, является восточно-христианская икона. В ней телесное изображено в таких тонких и условных чертах, что оно отступает на второй план перед выражением духовности ликов. Но при этом обряд в Православии полон и смел, он не связывает пугливо движений, не глушит состояние духа, разносторонен и естествен. Таким мы его видим в воздеянии рук священнослужителями, в крестном знамении и благословении, в падениях ниц, в лобызании святых предметов.

Внешняя, обрядовая сторона богослужения сложилась постепенно, исторически. Но достойно внимания, как в ней отражается образ небесной Церкви, данный в Откровении Иоанна Богослова. Как будто бы земное богослужение нарочно устраивалось по этому образцу.

Такая мысль приходит, когда читаем в Откровении о семи золотых светильниках; о двадцати четырех старцах, облеченных в белые одежды; о золотых венцах на головах их, которые они, поклоняясь, полагают перед престолом Божиим; золотых чашах, полных фимиама, и о возносящемся дыме фимиама с молитвами святых; о семи Ангелах, поющих песнь Моисея, облеченных в чистые и светлые льняные одежды, и опоясанных по персям золотыми поясами; о храме наполненном дымом славы Божией; о печати – знамении креста – на челах тысяч запечатленных рабов Божиих.

Монастырь – пестун, или воспитатель Православия. В древних монастырях Востока: Египта, Палестины, Сирии, Константинополя сложился весь строй Православной Духовной жизни. На Афоне и в русских монастырях переключился он на славянскую почву. «Типикон», или иначе – богослужебный Устав, представляет собой на деле не только

устав богослужения, но и устав монастырской жизни. Он ставит как бы знаки равенства между понятиями: богослужение – жизнь в Боге – жизнь иноческая. Оттого, на первый взгляд, Православие отличается монастырской суровостью, строгостью требований.

Возьмем, хотя бы узаконенные канонами посты. Православие внушает христианину беспощадное отношение к своим порокам, к своим природным и приобретенным дурным склонностям, зовет к подвигу покаяния, такому, который бы потряс все его существо, дал бы почувствовать всю глубину падения; «студными окалях душу грехми и в лености все житие мое иждих;» чтобы вопль души: «помилуй мя» исходил из всего его существа; чтобы всем своим существом он понял, где якорь его спасения: вся его надежда в неизреченной любви и милосердии Божиим.

И в этой надежде печаль сменяется радостью. И если глубока в Православии скорбь о грехах, то радость о Господе гораздо сильнее. Ведь наша немощь не в состоянии победить Божией силы и Божией любви. Оттого в Православии радостное и даже ликующее состояние доминирует, торжествует и побеждает всякую скорбь.

Самое начало покаяния несет в себе ясное зерно радости: «веселое время начнем покаяния» поется в начале поста. А своего кульминационного пункта достигает радость в пасхальную ночь и во весь светлый праздник Пасхи, Воскресения Христова. И так как празднование Воскресения Христова распространяется на все воскресные дни года, то поэтому в храме господствует торжествующий тон, и из храма христианин выносит с собой в жизнь бодрящее настроение.

Так создается размах и полнота и высокий строй православной церковной жизни.

Суть идеи спасения

РАСТЕНИЕ РАСТЕТ вверх. Идея органического роста нераздельна с духом Православия. Она выражается и в православном понимании спасения человека. В центре внимания христианина лежит не «удовлетворение правде Божией», не «усвоение заслуг», а возможность и необходимость личного духовного роста, достижение чистоты и святости. Искупление человека, привитие его к Телу Христову – это условия, при которых возможно начать этот рост. Благодатные силы Св. Духа, как для растения – солнце, дождь и воздух, возвращают духовный посев. Но само возрастание есть «делание», труд, длительный процесс, внутренняя работа над собой: неустанная, смиренная, упорная. Возрождение – не мгновенное перерождение из грешника в спасенного, а фактическое изменение духовной природы человека, изменение содержания самых тайников его души, содержания мыслей, представлений и желаний, направления чувствований. Эта работа отражается и на телесном состоянии христианина, когда тело перестает быть повелителем для души, а возвращается к служебной роли исполнителя велений духа и смиренного носителя бессмертной души.

ЖИВОЕ ДЕРЕВО непременно растет. Питаясь через корни, оно разветвляется вширь и образует вершину, гармонически располагающуюся, хотя оно и не имеет одного объединяющего пункта на своем верху. Таков и есть внешний строй Православной Церкви на земле. Такова и вся структура Православия: Церкви приходы; поместные Церкви; Патриархаты – ряд автокефальных Церквей.

Весь административный строй земной Церкви соответствует ее органическому росту: каждая ее ветвь, не отрываясь от ствола, растет в сторону от ствола. Так создаются взаимные отношения поместных Церквей: Церкви-матери, дочери-Церкви, сестры-Церкви: Божья Христова семья.

Идея соборности

ПРАВОСЛАВИЕ ГЛУБОКО НАРОДНО. Все окончательные решения давались в его истории голосом всей Церкви. Соборы Вселенские и поместные были выражением не учения одной иерархии, а веры всей Церкви. Оттого бывало, что истину отстаивали простые монахи, иногда даже вопреки точке зрения первенствующих епископов, и Церковь признавала за первыми голос правды, как это было во время ереси монофелитства или в период иконоборчества, или в Югозападной Руси конца 16-го века.

Но быть народным не значит быть демократическим по форме правления. Управляет Церковью не народное представительство, а иерархия, и управляет на основании твердых и ясных церковных канонов. Полагать, что православная «соборность» состоит в том, чтобы миряне управляли Церковью наряду с епископами, значит совсем не понимать ни духа Православия, ни смысла термина «соборность».

Быть народным не значит также быть низкой культуры. И Православие, будучи в своей истории всегда народным по духу, не может быть трактуемо, как выражение примитивности, как простонародное преломление христианской религии. Православие впитало в себя благородные стороны высокой эллинской культуры, полученное в наследство Византией. Красноречие, высшие образцы которого мы имеем у святителей 4-го века христианства, философия и наука, особенно выразительно представленные в христианстве Востока Василием Великим и Оригеном, поэзия от времен Григория Богослова узором входящая в развивающееся восточное Богослужение, Константинопольская святая София – верх древнего архитектурного искусства, осмогласие Иоанна Дамаскина, иконописание Востока, фрески и мозаики константинопольских храмов – все это примеры высокой культуры восточного христианства. И лишь ночь Ислама, залившего православный Восток на более чем тысячелетний период, остановила там, на Востоке, этот поток христианизации культуры.

Православие, как известно, было культурным двигателем и в нашей родной истории.

Православие – **сверхнационально**. Оно не русское, так же, как и не сербское или греческое исповедание, а христианское. И однако оно свободно впитывает в себя национальную стихию, сживается с психологией данного народа. Церковь болеет горестями народа и радуется

его радостями, и в единении Церкви и народа создается его история. Как тесно сплелась история народа с деятельностью духовенства и Церкви в сербском народе! И о русской Церкви, о ее созидательной работе, не могут умолчать сами противники христианства, когда они говорят о прошлом русского народа.

Но в этой области мы встречаемся с соблазном. Видя, как много услуг оказала и может оказать Церковь государству и народу, народные и государственные деятели не раз хотели поставить Церковь и религию на «услуги» народу и государству. Они ценят религию, поскольку она, по их понятиям, социально или политически нужна и полезна, и этим унижают Церковь и религию, даже тормозят ее действенность и свободу и тем вредят своему же делу. Потому то Матери-Церкви не всегда легко признают самостоятельность национальных церквей, в особенности в молодых государствах. Всегда нужно остерегаться этой тенденции использовать религию, хотя бы и в созидательных, но не прямых ее целях; нельзя требовать от нее, вместо задач вечности, служения временным целям.

Внутреннее единство

НЕДОСТАТОЧНОСТЬ ЗНАНИЯ пробивается в тех поверхностных суждениях, какие нередко высказываются о Православии, и в выражениях вроде тех, какие приведены нами вначале (во 2-ой гл.)

Православие целостно и едино. Нет двух Православий: истинного – внутреннего и «официального» – внешнего, есть лишь внутренняя и внешняя стороны, при чем на внешней, конечно, отражаются данные условия жизни, в особенности государственные. Но подлинная жизнь Православия сосредотачивается в глубинной, внутренней его части.

Синодальное или патриаршее управление в Церкви, полной или неполной внешней свободой пользуется она в государстве, или вовсе лишена ее, предоставлено ей право влияние или нет, находится ли она под контролем, под давлением или в гонении: все это относится к стороне внешней ее жизни. Она отражается на внутренней. Но это отражение не параллельно, не закономерно и не поддается поверхностному наблюдению.

Нет официального, якобы сухого и скучного, и какого-то другого богословия: все богословие полно жизни, но к занятию им нужно быть духовно подготовленным. Неправы те, кто пренебрежительно относятся к нашей богословской науке прошлого, называя ее «семинарской». Ставят ей в укор тени схоластики: но они явились неизбежной данью эпохе; ставят в вину в прошлом некоторые влияния чужих вероисповедных систем, но забывают, что не так легко было найти новые совершенно самостоятельные формы строго православных формулировок, долженствовавших заменить собой привычную и укрепившуюся многовековую традицию западного богословия.

Не спасительно и не нужно искать «новинок» в догматике, как это случается в наше время. Православному богомыслию чужда идея «развития догматов», оно не знает «закона догматического развития». Задача догматики нашего времени не в том, чтобы делать «открытия». Задача эта – та же, что и в прошлом, та же и всегда: приблизить нас к великим и сокровенным истинам веры, уяснить их нам и дать полную, стройную и строго правильную систему христианского учения.

Православие самобытно. И оно не может быть иным, так как оно изначально, оно первоначально. Оно – основное и прямое русло реки христианства. Поэтому нельзя о нем говорить, как о чем-то среднем между католичеством и протестантством. Даже уже и потому нельзя допустить

такого выражения, что само протестантство существует всего лишь четыре столетия, потому такое выражение исторически абсурдно.

Православие духовно. Оно есть таинственная жизнь в Боге. Но к нему мало подходит слово: «мистично», в том понимании мистицизма, как оно часто встречается в сектанстве на Западе. Православию чужды болезненные проявления мистицизма.

В русской религиозной жизни явились три нездоровые течения, отвергнутые Православной Церковью: старообрядчество, русские националистические секты и русские мистические секты. Из-за того, что они – все три – отвергнуты, видим, что Православию чужды и религиозный сухой рационализм, и болезненный мистицизм и, наконец, старообрядчество, как принцип церковной жизни. Эти крайности не свойственны Православию не только Русской Церкви, но Православию вообще, во всяком народе и во всякое время.

Верность Христу

ВЫСОКОЕ В МОЛИТВЕ, глубокое в богомыслии, радостное в подвиге, чистое в радости, совершенное в нравственном учении, полное в способах хвалы Божией – Православие, тем не менее, не оказывается самой многолюдной религией мира и не является господствующим среди христианских исповеданий нашего времени. Близко лежащий к православным странам Европейский Запад до половины 19-го столетия почти не знал, не хотел знать Православия: одни его унижали и игнорировали (в среде католической, другие считали полуязычеством (в среде протестантской). Нужно было прийти внешнему умалению Православной Церкви, чтобы глазам западного мира вдруг открылись силы и духовное богатство Православия, как это мы начинаем наблюдать сейчас.

Православие и не ждет для себя видимого торжества и господства в мире. Судьбы Церкви Христовой, начертанные в Откровении св. ап. Иоанна Богослова, не предвещают этого. Тайнозритель-апостол предостерегает ангелов-предстоятелей церквей от торжествующей самоуверенности, предрекает страдания и испытания и все большее и большее устремление сил ада на Церковь Христову в конце мира и зовет к терпению, к подвигу, к стоянию до конца и к смирению.

«Здесь – терпение святых» (Откр. 14:12). На наше время выпали исключительные испытания, обрушившиеся на Церковь извне и снаружи. Безмолвствует страждущая под игом коммунизма Церковь на нашей родине, и ее именем дерзают говорить чуждые ей лица, подголоски коммунизма. В смятении находятся братские церкви в славянских странах, захваченных тем же бедствием. В эмигрантской среде – самочинные «автокефальные» национально-церковные образования. Разделения в русской православной большой зарубежной семье. Расхищается само понятие Православия: этим именем прикрываются общества, заведомо уходящие от подлинного Православия, и учителя, искажающие Православие. Все это способно вводить в уныние и вызвать тревогу: не грозит ли нам разбиться на многочисленные секты, как это случилось в протестантстве?

Нет, ибо знаем: Христос со Своею Церковью. «Аз с вами во вся дни» (Мф. 28:20). Если река, задержанная в своем течении, разольется так, что не видно ее русла, и вода пойдет по боковым рвам и извилинам, то не значит это, что река не пойдет по своему руслу, что она потеряла его.

Такова и историческая река Православия: ее русло глубокое и течение прямое. Протестантство раздробилось потому, что оно не имело своего русла – церковной традиции. Не нарушится единство Православия. Но жалки те, кто оторвется от единства церковного, сохраняемого через родные поместные Церкви, и застрянет в своих извилинах.

В наши дни наш общий долг в зарубежье – быть верными: не изменить Христу, вселенской Церкви, Священному Синоду Зарубежной Русской Церкви, христианским обетам, святым заветам отцов, страдающим братьям; держать прямо направление и твердо кормило: таков простой и ясный православный путь.

«Работайте Господеви со страхом и радуйтесь Ему с трепетом» (Пс.2:11). Не чувство превозношения, а чувство страха, одновременно с радостью, наполняет сердце православного христианина. Вам вручена драгоценность: достаточно ли бережно вы носите ее? Достойны ли вы ее? Сознаете ли всю свою ответственность?

«Только бы нам и одетым не оказаться нагими», – говорит Апостол (2Кор.5:3). Не грозит ли эта опасность и нам? Не для нас ли это предостережение написано? Не сознание, что мы содержим Православие, нас спасает. Мы должны быть духом облечены в него через исполнение его.

Быть одетыми и не оказаться нагими – это значит не только принадлежать, но иметь одеяние веры, истины, любви, чистоты, смирения и превозношения, одеяние благодати Божией; это значит, говоря словами того же Апостола, жить так, чтобы «проповедуя другим, самому не оказаться недостойным» (1Кор.9:27).

Такое одеяние в Православие даруй нам, Господи!

Содержание

Мысли о Православии протопресвитер Михаил Помазанский	1
Православие – что оно?	2
Церковь и Православие	5
Основной Признак Православия	6
Данное или искомое?	7
Значение «канонов»	10
Православие динамично или статично?	11
Прославление Бога	14
Внешнее и внутреннее	17
Суть идеи спасения	19
Идея соборности	20
Внутреннее единство	22
Верность Христу	24